

The background of the cover is a night landscape. The upper half is a dark blue sky filled with numerous small, bright stars. The lower half shows a valley with a river or lake in the center, reflecting the lights of a town or village. The hills on either side are dark, with some lights visible on the slopes. The overall mood is serene and futuristic.

Пыль будущего

Октавия Белл

Октавия Белл
Пыль будущего

«Автор»

2026

Белл О.

Пыль будущего / О. Белл — «Автор», 2026

Эта книга — антиутопия, предупреждение, спрятанное между строк. Её мир — не далёкое будущее, а тревожная проекция нашего настоящего, доведённая до логического предела. Здесь рухнули старые государства, но на их руинах выросла не свобода, а новая клетка — Единая система учёта. Чипы, тотальная слежка, доносы как добродетель и одна-единственная разрешённая книга — сухой свод правил и законов. Главный ужас этого мира не в том, что люди разучились читать. Они умеют читать. Этого требует цифровая эпоха. Но им нечего читать, кроме лозунгов и инструкций. Художественная литература, стихи, романы — объявлено вне закона. Культурное наследие уничтожено не пожарами, а тихой бюрократией. Роман показывает, что происходит с обществом, когда у него отнимают память. Люди не знают Пушкина, не помнят Толстого, не понимают, зачем нужны слова, которые не приносят пользы. Они грамотны, но духовно пусты. Исчезновение книг ведёт не к невежеству — к деградации души.

© Белл О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Последний ужин	5
Пыль и банки	9
Дневник одиночества	14
Знаки будущего	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Октавия Белл

Пыль будущего

Последний ужин

Квартира пахла корицей и усталостью.

Вера стояла у плиты, помешивая деревянной ложкой томатный суп, который никто не просил. Алексей любил суп. Вернее, когда-то любил. Сейчас она уже не была уверена, что он вообще помнит, как это – любить что-то, не проанализировав предварительно с точки зрения пользы. Семнадцать лет брака, три года ссор, полтора года молчания за ужином. Сегодня они должны были поговорить. По-настоящему. Она этого хотела. И боялась.

– Мам, суп подгорает, – сказала Катя, заходя на кухню с телефоном в руке. Шестнадцать лет, чёлка до глаз, взгляд исподлобья. Она уже год носила только чёрное, но настаивала, что это не период такой, а «осознанный выбор». Вера не спорила. Выбор или период – какая разница, если ребёнок перестал с ней разговаривать? – Ты вообще есть будешь? Или опять в своей «Лавке» будешь до ночи пропадать?

– Я дома в шесть, – мягко ответила Вера, выключая конфорку. – И вообще, мы сегодня все вместе ужинаем. Это важно.

– Опять будете с папой орать? – Катя закатила глаза. Она умела делать это так, что в одном движении век умещалось всё разочарование мира. – Можно я к Вике пойду?

– Нельзя. Садись за стол.

– Ты меня слышишь вообще? – Катя говорила уже громче, и это было похоже на ритуал. Вопрос, который никто из них не задавал всерьёз. – Ты никогда меня не слышишь.

– Я слышу. Садись.

Катя вылетела из кухни, хлопнув дверью так, что задребезжала люстра. Вера закрыла глаза на три секунды. Потом достала тарелки.

Алексей вошёл ровно в семь, как по расписанию. Скинул серое пальто на спинку стула, сел, молча взял телефон. Он всегда так делал – входил в комнату и сразу выходил в экран, будто реальность была недостаточно интересной, чтобы в ней присутствовать. IT-архитектор, сорок два года, залысины, дорогие часы на тонком запястье. Когда-то Вера думала, что его молчаливость – это глубина. Теперь она знала, что это просто глухота. Не физическая. Душевная.

– Привет, – сказала она, ставя перед ним тарелку.

– Привет, – ответил он, не поднимая головы.

Никита спустился из своей комнаты последним. Четырнадцать, плеер в ушах, капюшон натянут на глаза. Он ни с кем не скандалил – просто исчезал. Как кот, который приходит только к миске. Вера поймала себя на мысли, что её младший сын напоминает ей отца. Тот тоже уходил в книги, когда становилось слишком громко. Только книги были бумажными, а у Никиты – цифровые. В сути ничего не изменилось.

– Сядь нормально, – сказал Алексей, заметив, что Никита даже не снял капюшон.

– Я сажу нормально.

– Сними капюшон за столом.

– Тебе обязательно пилить? – Катя бросила вилку. Она не начинала есть, просто ковыряла суп, превращая его в оранжевую кашу. – Он капюшон снял. Вот. Доволен?

– Я с тобой не разговаривал, – Алексей поднял глаза. Холодные, серые, будто отлитые из бетона. – Я с ним разговаривал.

– Ага, только ты вечно с ним разговариваешь как с солдафоном. «Сядь», «сними», «выключи». А спросить, как дела, не судьба?

– Катя, прекрати, – сказала Вера.

– А ты вечно его защищаешь! – Катя вскочила. – Вы оба невыносимы. Ты – в своём книжном раю, он – в телефоне. Зачем вы вообще поженились? Чтобы нам жизнь испортить?

В этот момент Вера почувствовала то, что чувствовала уже тысячу раз. Тяжесть в груди, будто кто-то положил кирпич на диафрагму. Она смотрела на семью за столом и не узнавала никого. Муж, который стал незнакомцем. Дочь, которая научилась ненавидеть раньше, чем любить. Сын, который прячется в наушниках, потому что громче всего в доме – тишина между родителями.

– Сядь, – сказал Алексей Кате. Спокойно. Даже слишком.

– Не сяду!

– Я сказал – сядь.

– А я сказала – пошёл ты!

Вера встала. Медленно. Как в замедленной съёмке. Она обошла стол, взяла тарелку с нетронутым супом, вылила в раковину. Никто не спросил зачем. Никто вообще ничего не сказал. Катя выбежала в коридор, хлопнула входной дверью через минуту. Никита посмотрел на отца, потом на мать, тихо сказал «я в комнату» и исчез.

Алексей остался один за столом. Он смотрел в тарелку. Вера стояла у раковины, спиной к нему.

– Она права, – сказала она тихо. – Зачем мы поженились?

– Вера, не начинай.

– Я не начинаю. Я спрашиваю. Когда мы последний раз говорили не о детях, не о деньгах и не о том, кто забыл купить хлеб?

Алексей молчал. Это была его суперсила – молчание, которое душило эффективнее любых слов.

– Поехали за город, – сказал он вдруг.

– Что?

– Загородный дом. Бабушкин. Давно не были. Сменим обстановку. Может, поговорим.

Вера повернулась. Посмотрела на него впервые за вечер не как на врага, а как на человека. Усталого. Сломанного. Он ведь не издевался над ней специально. Он просто разучился иначе. Как она сама.

– Когда? – спросила она.

– Завтра. Я возьму отгул. Никита на каникулах, Катю отпросим от школы на пару дней.

– Ты серьёзно?

– Я никогда не шучу, ты знаешь.

Она не знала. Но согласилась.

Дорога заняла три часа. Алексей вёл молча, Катя с Никитой на заднем сиденье – каждый в своих наушниках. Вера смотрела в окно на серый ноябрьский пейзаж. Берёзы без листьев, редкие сёла с покосившимися заборами, бесконечное небо, которое давило тяжестью. Бабушкин дом достался ей пять лет назад, после смерти отца. Она была там два раза – сначала на похоронах, потом чтобы законопатить окна и закрыть на замок. Дом стоял на отшибе, в глухом лесу, у небольшого озера. Отец любил это место. Говорил, что там время останавливается.

– Он был прав, – прошептала Вера, когда машина свернула с просёлочной дороги.

– Что? – переспросил Алексей.

– Ничего. Просто вспомнила.

Дом встретил их запахом сырости и старых досок. Вера открыла дверь, включила свет – не загорелся. Алексей нашёл в щитке автоматы, щёлкнул, зажужжал старый холодильник.

Дрова в сарае оказались сухими. Через час в печи горел огонь, Катя наконец сняла чёрное пальто и села у окна, Никита куда-то ушёл с плеером, сказав «я по берегу пройду».

Вера нарезала хлеб, достала из сумки сыр, колбасу, банку солёных огурцов – свою гордость. Алексей накрыл на стол. Впервые за долгое время они делали что-то вместе молча, но без вражды. Просто работали рядом, как соседи по коммуналке, которые устали ссориться.

Ужин начался хорошо. Ели в основном молча, но это было нормальное молчание, не то, которое душит. Катя даже улыбнулась, когда Вера рассказала, как в детстве уронила банку с огурцами и они покатались по всему погребу. Никита вернулся, снял капюшон, положил плеер на стол – и это было почти чудо.

А потом Алексей спросил:

– Ты продашь «Лавку»?

– Что? – Вера замерла с куском хлеба.

– Магазин. Твой. Ты говорила, что убытки уже полгода. Давай закроем, сдадим помещение. Я нашёл арендатора.

Вера положила хлеб. Посмотрела на мужа. В его голосе не было злобы – была хозяйственная рациональность. Он не понимал, что только что сказал. Или понимал, но считал это правильным.

– Это не просто магазин, – сказала она тихо. – Это память об отце.

– Отец умер пять лет назад, Вера. Тебе нужно двигаться дальше.

– Не тебе решать, что мне нужно.

– Я просто предлагаю.

– Ты не предлагаешь. Ты ставишь перед фактом.

Катя замерла. Никита натянул капюшон обратно, но плеер не включил. Смотрел на родителей.

– Я не ставлю перед фактом, – Алексей говорил спокойно, и это бесило сильнее крика. – Я говорю как взрослый человек. У нас кредит на машину, Катя через год поступает, Никите нужен репетитор. Твой магазин приносит минус. В чём проблема?

– В том, что ты не слышишь меня.

– Я слышу. Ты говоришь про память отца. Но отец не станет платить за коммуналку.

– Прекратите, – сказала Катя.

– Сиди тихо, – отрезал Алексей.

– Не смей на неё кричать, – Вера повысила голос.

– Я не кричу. Это ты кричишь.

– Потому что ты меня довёл!

– Я тебя довёл? Я пытаюсь сохранить то, что ещё можно сохранить!

– А может, нечего сохранять? – Вера встала. Стул упал. Она даже не заметила. – Может, мы уже всё разрушили? И магазин, и брак, и детей, и эту поездку идиотскую?

– Мам, – Никита снял капюшон. – Хватит.

– Нет, не хватит! – Вера обвела взглядом комнату. Огонь в печи, деревянные стены, стол, за которым когда-то сидел её отец и читал ей вслух «Войну и мир». А теперь за этим же столом её муж предлагает продать единственное, что у неё осталось. – Я больше не могу. Я не могу с тобой говорить. Я не могу молчать. Я не могу быть вечно виноватой. Я не могу быть вечно неправой. Я просто... я больше не могу.

Она выбежала на улицу. Босиком. В одной кофте. Ноябрьский ветер ударил в лицо, но она не остановилась. Шла к озеру, спотыкаясь о корни, не чувствуя холода. Слышала, как Алексей крикнул «Вера, вернись!». Не обернулась.

Озеро было чёрным. Небо – беззвёздным. Где-то на западе догорал закат – кровавая полоска над дальним лесом. Вера села на берегу, обхватила колени руками. Плакала долго.

Сначала с рыданиями, потом тихо, потом вообще без звука, только слёзы текли по щекам и капали на сырую траву.

Она приняла решение. Не в голове – в груди. Где-то глубоко, где нет слов, только правда. Развод.

Она скажет ему завтра. Утром. Спокойно. Без криков. Просто соберёт вещи и уедет. Дети останутся с ним на неделю, потом они решат, как быть. Но больше она не может. Не может просыпаться рядом с человеком, который не помнит, как её поцеловать без причины. Не может засыпать под тишину, которая громче любого скандала.

Вера легла на траву. Посмотрела на небо – звёзд всё не было. Зато над лесом, совсем низко, пролетела странная тень. Бесшумная. Треугольная. Слишком быстрая для самолёта. Вера подумала: «Вот и галлюцинации начались. От усталости». Закрыла глаза.

Она уснула мгновенно, как провалилась.

И не слышала, как сзади, со стороны дома, затихли крики. Как перестал завывать ветер. Как мир вокруг неё на секунду – всего на одну секунду – сложился пополам, как лист бумаги, а потом развернулся обратно.

Если бы она проснулась, то увидела бы, что луна стоит на другом месте.

Но она спала.

И видела сон, в котором её магазин горел, а отец стоял на пороге и улыбался, и говорил: «Ничего, дочка. У каждой истории есть вторая страница».

Пыль и банки

Она проснулась от холода.

Такого холода Вера не помнила даже в самые лютые зимы. Он пробирался не снаружи – изнутри, будто кто-то вынул из неё всё тепло за те несколько часов, пока она спала на берегу. Веки слипались, пальцы не гнулись. Она лежала на боку, поджав колени к животу, и первое, что увидела, когда открыла глаза, – это небо. Серое, низкое, без единого просвета. Таким небо бывает в ноябре.

Вера села резко, и голова закружилась. Она посмотрела на восток – там, где должно было вставать солнце, была серая муть. А потом повернула голову и увидела, что свет идёт с запада. Тусклый, желтоватый, будто сквозь старый марлевый фильтр, но неоспоримый. Солнце садилось. Или вставало? Она не могла понять. Местность вокруг изменилась. Лес стоял тот же – сосны, берёзы, старые коряги у кромки воды, – но свет падал иначе, тени лежали под другими углами. Будто кто-то взял весь пейзаж и повернул его на сто восемьдесят градусов.

– Бред, – прошептала Вера. Голос сел, горло саднило. Она провела языком по губам – они были сухими и потрескавшимися.

Она поднялась на ноги с трудом. Кофта промокла насквозь, джинсы отсырели, кроссовки (она выбежала из дома в кроссовках? да, кажется, да) наполнились ледяной водой. Вера посмотрела на озеро. Вчера оно было чёрным, сегодня – мёртво-серым, без ряби, без всплесков рыбы. Просто зеркало, в котором отражалось то же серое небо. Своё отражение она увидела не сразу: женщина с опухшим лицом, слипшимися волосами, красными глазами. Красивая когда-то, а теперь просто уставшая.

– Надо вернуться, – сказала она себе. – Надо вернуться и всё закончить.

Она не знала, что именно собирается заканчивать. Разговор с Алексеем? Брак? Эту поездку? Вчерашнее решение казалось таким ясным – развод, точка, хватит. А сейчас, на берегу чужого рассвета-заката, оно расплылось, как акварель под дождём. Она просто хотела в дом. Выпить горячего чая. Обнять детей. Даже если они начнут кричать.

Дом стоял на том же месте. Она узнала его по трубе, по крыльцу с отвалившейся ступенькой, по старой рябине у входа. Но что-то было не так. Вера подошла ближе и поняла: ставни закрыты. Она их не закрывала. Они никогда не закрывали ставни, потому что замки на них заржавели ещё при жизни бабушки. Сейчас они были плотно сдвинуты, и сквозь щели не пробивалось ни лучика света.

– Алексей? – позвала она негромко. – Катя? Никита?

Тишина. В лесу тоже было тихо – неестественно, мертво. Ни птиц, ни ветра, ни шороха шишек, падающих с сосен.

Вера толкнула дверь. Она была не заперта. Скрипнула так же, как вчера, и Вера на секунду обрадовалась – значит, ничего не изменилось. Но радость умерла в ту же секунду, когда она переступила порог.

В доме стояла абсолютная тишина.

Не та тишина, когда все спят или ушли в другую комнату. Та тишина, которая бывает в заброшенных зданиях: плотная, пыльная, будто воздух застыл и не хочет, чтобы его тревожили. Вера щёлкнула выключателем у входа – ничего не произошло. Света не было. Она подошла к окну, отодвинула ставню (та поддалась легче, чем ожидалось), и в комнату ворвался тусклый западный свет.

И она увидела пыль.

Слой пыли лежал на всём. На столе – два-три миллиметра, бархатистый, однородный, будто никто не вытирал поверхность много месяцев. На подоконниках пыль была толще, почти

как снег. На пульте от старого телевизора (они его вчера даже не включали), на книжной полке, на подставке для зонтов. Вера провела пальцем по столу – осталась чёткая полоса, под которой дерево было чистым, почти новым. Пыль не была грязной. Она была сухой, серой, без комков. Такая пыль оседает в домах, где долго никто не живёт. Год. Два. Может, больше.

– Нет, – сказала Вера вслух. – Этого не может быть. Мы только вчера ужинали здесь.

Она прошла на кухню. Вчерашняя посуда исчезла. Тарелки, чашки, кастрюли – всё, что они использовали за ужином, пропало. Вместо этого на столе лежала чистая клеёнка, которую Вера не помнила. Холодильник (старый, «ЗИЛ», ещё бабушкин) гудел тихо, но странно – ровным, слишком ровным гудением, без привычных перепадов. Она открыла его. Внутри было пусто. Абсолютно. Даже запаха еды не осталось, будто холодильник никогда не использовали.

– Хорошо, – сказала она себе, стараясь не паниковать. – Хорошо. Сейчас я найду телефон и позвоню Алексею. Он всё объяснит. Это какая-то глупая шутка.

Телефона не было. Она обшарила всю кухню, потом прихожую, потом спальню, где они вчера должны были ночевать (она так и не легла, ушла к озеру). Рюкзаки исчезли. Её сумка, в которой лежали ключи, кошелек, зарядка, паспорт – всё пропало. Как и куртки, которые висели на вешалке. Как и кроссовки Никиты, которые он всегда бросал у порога. Как и Катина чёрная шапка с помпоном.

Вера вышла на крыльцо. Машины не было. На том месте, где вчера Алексей припарковал свой серый «Хёндэ», росла трава. Высокая, густая, местами по колено. Она не была примятой. Создавалось впечатление, что на этом месте ничего не стояло несколько лет. Вера спустилась с крыльца, прошла к тому месту, наклонилась, потрогала траву руками. Холодная, влажная, живая. Никаких следов колёс. Ни масляных пятен. Ничего.

Она села прямо на землю. Обхватила голову руками.

– Это сон, – сказала она громко. – Это просто сон. Я уснула на берегу, и мне снится кошмар. Сейчас я проснусь, и Алексей будет ворчать, что я простудилась, а Катя предложит мне чай. Это сон. Это просто сон.

Она ущипнула себя за руку. Больно. Ущипнула сильнее – остался синяк. Она не проснулась.

Вера встала. Сделала глубокий вдох. В голове шумело, в висках стучало, но где-то в глубине, на самом дне паники, включился древний механизм выживания. Он говорил: «Не ори. Не бегай. Наблюдай. Собирай информацию». Так её учил отец. Он всегда говорил: «Если ты потерялся, не паникуй. Сядь, оглядись, найди три странные вещи. Потом думай».

– Три странные вещи, – прошептала Вера. – Раз: солнце не на том месте. Два: слой пыли, как после долгого запустения. Три: нет семьи и машины.

Она вернулась в дом. Решила осмотреть всё методично, как квартиру перед заселением. Комната за комнатой, шкаф за шкафом.

Прихожая: пусто. Вешалка пуста, на полу нет обуви, в ящике тумбочки – старые перчатки, не её, не Алексея, чужие, промасленные, мужские.

Гостиная: диван, кресло, стол, телевизор с кинескопом (такие уже лет двадцать не выпускают). В комод – скатерти, свечи, коробка с фотографиями. Фотографии старые, чёрно-белые, ещё бабушкины. Семья на фоне этого же дома, но в другой одежде, в другой эпохе.

Кухня: плита, раковина, пустой холодильник, кладовка.

Кладовка.

Вера остановилась перед дверью в кладовку. Вчера они туда не заглядывали – не было нужды. Дверь была приоткрыта, из щели тянуло холодом и чем-то металлическим, похожим на запах консервной фабрики. Она толкнула дверь ногой.

Кладовка оказалась небольшой, метра три в длину, с низким потолком. Вдоль стен стояли стеллажи, а на них – банки. Десятки банок. Стеклянные, литровые, с идеально гладкими металлическими крышками без единой царапины. Этикетки были напечатаны на материале,

который Вера не узнала: не бумага, не пластик, что-то промежуточное, очень тонкое и очень прочное. На каждой этикетке – текст. Вернее, то, что должно было быть текстом.

Вера взяла одну банку в руки. Поднесла поближе к свету из окна.

Язык был незнакомым. Он отдалённо напоминал английский – какими-то обрывками слов, суффиксами. И одновременно китайский – иероглифическими вставками, круглыми значками с черточками. «Shen'g tse pravilao», – прочитала Вера по слогам. – «Говядина? Но нет, здесь какой-то другой корень». Внизу этикетки были символы: три концентрических круга, внутри которых – стилизованная буква «П». И маленькая надпись, уже привычным латинским шрифтом: «EU-2129».

Вера поставила банку обратно на полку. Руки дрожали. Она взяла другую – на ней было написано «Jiao'zi vegetal». Третью – «Kurin mysz». Четвёртую – «Fruktovij zhele».

– Это не русский, не английский, не китайский, – сказала она медленно. – Это что-то среднее. Смесь. Креольский язык.

Она вдруг вспомнила, как отец рассказывал про пиджины – упрощённые языки, которые возникают на границах культур. «Если две цивилизации долго контактируют, их языки смешиваются, – говорил он. – Это признак того, что они живут рядом не одно поколение».

Вера открыла банку с надписью «Fruktovij zhele». Крышка поддалась легко, с тихим шипением, будто внутри был вакуум. Внутри оказалось розовое желе. Оно блестело, переливалось на свету, пахло... мясом. Именно мясом – варёной говядиной с лавровым листом. Но цвет был розово-сиреневым, как у детской жвачки со вкусом клубники.

Она понюхала. Запах мяса был вязким, искусственным, слишком сильным. Консервы пахли так, будто аромат добавили отдельно, через усилитель. Вера макнула кончик пальца в желе – оно было холодным, скользким, без комочков. Поднесла палец к языку, замерла на секунду, потом всё же лизнула.

Вкус был мясным. Определённо мясным. Но не как у нормальной тушёнки – как у дешёвых колбасных обрезков, перемолотых с крахмалом и залитых бульонным кубиком. Во рту осталось послевкусие химии, чего-то сладковатого и одновременно кислого. Вера выплюнула остатки на пол, вытерла язык рукавом.

– Есть это нельзя, – сказала она себе. – Вообще нельзя.

Но она понимала, что если ничего другого не будет, она съест и это. Голод – плохой советчик, но он же и лучший учитель.

Она закрыла банку, поставила обратно. Пересчитала консервы. Сорок три банки. Судя по этикеткам – мясные, овощные, фруктовые, какие-то полуфабрикаты вроде замороженных пельменей (только без морозильника). Этого хватит на месяц, если экономить. На две недели, если есть нормально.

Вода.

Вера открыла кран. Из крана пошёл воздух, потом закапало, потом полилась тонкая струйка. Вода была прозрачной, без запаха. Она подставила ладонь, попробовала – обычная вода, холодная, чуть жестковатая. На вкус – как из её квартиры в городе. Значит, вода есть. Это уже что-то.

Она вышла из кладовки, закрыла дверь. Прошла на крыльцо, села на ступеньку. Ноги дрожали. Не от холода – от страха, который она отгоняла уже полчаса, но который наконец прорвался.

– Я одна, – сказала она вслух, и голос сорвался. – Я совершенно одна в чужом доме, в чужом лесу, в чужом... времени.

Слово «время» прозвучало глупо. Она не могла знать, что это время. Может быть, это место? Может быть, она просто заблудилась в пространстве? Но солнце на западе, консервы с датой 2129, слой пыли в несколько миллиметров – это накапливается за месяцы, а не за ночь.

Вера посмотрела на свои руки. Грязные, с ободранными ногтями. Она вспомнила, что вчера вечером у неё был аккуратный маникюр – она делала его в пятницу, специально к поездке. Сейчас лак облез, кутикула порвана. Будто прошла не одна ночь, а много дней.

– Всё, – сказала она твёрдо. – Хватит.

Она встала, отряхнула джинсы. Решение пришло неожиданно, как всегда бывает в крайних ситуациях: не думать о том, что случилось. Думать о том, что делать сейчас.

Первое: найти источник тепла. В доме холодно, печь не топлена. Вера прошла в сарай – дрова были. Сухие, старые, но годные. Она принесла охапку в дом, сложила печь, нашла в ящике спички (обычные, советские, ещё бабушкины). С третьей попытки зажгла – бумага занялась, потом щепки, потом поленья. Печь загудела ровно, тепло начало расплзаться по комнате.

Второе: вода и еда. Она налила чайник (старый, эмалированный, с отбитым носиком), поставила на плиту. Пока грелся, перебрала консервы ещё раз. Отобрала те, что выглядели наиболее съедобно: овощное рагу, что-то похожее на гречку с мясом, банка компота. Решила сегодня не есть – подождать до вечера. Может, всё-таки вернуться Алексей и дети. Может, это какая-то ошибка.

Третье: поиск связи. Телефона нет, но есть старый радиоприёмник в спальне. Вера включила его – шипение, треск, и ни одной станции. Вообще ни одной. Даже помехи были какими-то пустыми, без намёка на сигнал. Она покрутила ручку настройки – тишина. Как будто радио никогда не работало.

Четвёртое: рана.

Вера только сейчас заметила, что левая нога болит. Не просто ноет – болит остро, при каждом шаге. Она подняла штанину джинсов и увидела: чуть выше лодыжки, с внешней стороны, зиял разрез. Глубокий, сантиметра три длиной, края неровные – будто поцарапалась обо что-то острое. Она не помнила, когда это случилось. На берегу? Когда бежала от дома? Или потом, когда уже спала? Кровь запеклась, но вокруг раны кожа покраснела, слегка припухла – начиналось нагноение.

– Чёрт, – прошептала Вера.

Она нашла в доме аптечку (под раковиной в кухне, запылённую, но полную). Перекись, бинт, пластырь. Обработала рану – зашипело, зашипало так, что из глаз брызнули слёзы. Забинтовала кое-как, потуже. Попробовала пройтись – больно, но терпимо. До просёлочной дороги отсюда километра три, как она помнила. Даже без раны это полчаса ходу. С раной – час, может, полтора. Но она не знала, куда ведёт эта дорога. И есть ли там вообще кто-нибудь.

Вера вышла на крыльцо. Посмотрела на небо. Там, на большой высоте, что-то летело.

Она присмотрелась. Самолёт. Но не такой, к какому она привыкла. Бесшумный – абсолютно, ни гула моторов, ни свиста турбин. Треугольный, с широкими тупыми крыльями, без хвостового отсека. Он двигался с огромной скоростью – быстрее любого пассажирского лайнера, который она видела. И не оставлял инверсионного следа. Никакого. Просто скользил по небу, как утюг по гладильной доске, и исчез за лесополосой через три секунды.

– Это не истребитель, – сказала Вера. – И не дрон.

Она села на крыльцо, обхватила колени. Нога пульсировала болью. Небо было серым, холодным, чужим.

И вдруг – откуда-то из глубины, из того места, где рождаются самые глупые и самые правильные мысли – она подумала: «А что, если всё это не зря? Что, если я попала сюда не случайно? Что, если моя семья исчезла не навсегда, а просто... сдвинулась? Как я?»

Она не знала ответа. Но впервые за последние сутки она не плакала. Она сидела на крыльце чужого дома, в чужом времени, с раной на ноге, без обычной еды, без связи, без надежды вернуться, – и она не плакала.

Потому что где-то глубоко, под слоем пыли и страха, в ней проснулось то, что она считала умершим. Не надежда. Упрямство.

– Я справлюсь, – сказала она ветру. – Я не знаю как, но я справлюсь.

Ветер не ответил. Зато где-то в лесу хрустнула ветка. Вера вскинула голову, вгляделась в чашу. Никого. Только серая тень скользнула между стволами – возможно, зверь, возможно, ветер, возможно, игра света.

Она вернулась в дом. Заперла дверь на задвижку (ржавую, но работающую). Села у печи, подтянула колени к подбородку. Огонь трещал, отбрасывал тени на стены, и Вера смотрела на эти тени, пока не перестала различать, где реальность, а где отсветы прошлого.

Перед сном она открыла одну банку консервов – «гречку с мясом». Съела половину. Терпимо. Вкус напоминал армейский паёк, который её отец привозил из командировок в девяностых. Съедобно, но без радости.

Она легла на диван, накрылась старым бабушкиным пледом. Закрыла глаза и подумала: «Завтра начну искать ответы. А сегодня – просто выживу».

Она уснула под треск дров и под вой ветра, который за окнами звучал иначе, чем вчера. Тоскливее. Или свободнее.

Дневник одиночества

Первая неделя была самой длинной в жизни Веры.

Она не вела счёт дням – не было календаря, не было телефона, не было солнца, которое вставало бы вовремя. Она просто просыпалась, когда свет за окнами становился невыносимо серым, и засыпала, когда тени под печкой сливались в одну сплошную черноту. Но по количеству съеденных продуктов в банках, по тому, как зарастала рана, она примерно понимала: прошло семь дней. Или восемь. Может, девять. Неважно.

Главное – она оставалась одна.

Каждое утро Вера просыпалась с одной и той же мыслью: «Сегодня они вернутся». Она вставала, шла к окну, отодвигала ставню и смотрела на просёлочную дорогу. Пусто. Ни машин, ни людей, ни даже собак, которые могли бы прибежать из соседней деревни. Дорога уходила в лес, терялась за поворотом, и никто по ней не ходил. Уже очень давно.

На третий день она попыталась дойти до этой дороги. Собралась, перевязала ногу потуже, надела найденные в шкафу мужские ботинки (на два размера больше, но хоть что-то). Вышла из дома в девять утра по своему внутреннему времени. Прошла сто метров – нога заныла. Двести – заболела так, что пришлось остановиться. Триста – она села на пенёк, сняла ботинок, размотала бинт. Рана распухла, края покраснели, из глубины сочилась желтоватая жидкость. Нагноение усилилось.

– Ты же не хирург, – сказала она себе, – Тебе нужен антибиотик. Или хотя бы чистый спирт.

Ни того, ни другого в доме не было. В аптечке нашлись только перекись, бинты и какой-то старческий крем от варикоза. Вера обработала рану, замотала снова, повернула обратно к дому. До дороги оставалось два с половиной километра – для неё сейчас это было как до луны.

Она вернулась, легла на диван и впервые почувствовала настоящий страх. Не тот, который проходит через час, а тягучий, липкий, который заполняет всё нутро, как расплавленный свинец. Если она не может дойти до дороги, она не может найти людей. Если она не может найти людей, она умрёт здесь. Одна. В доме, где нет лекарств, где еда – странные консервы с непонятным вкусом, где вода течёт из крана, но кто знает, сколько она ещё будет течь.

– Хватит, – сказала Вера. Села. Сжала кулаки. – Хватит ныть. Ты жива. У тебя есть крыша над головой. У тебя есть вода и еда. У тебя есть руки и голова. Делай что-нибудь.

Она встала, подошла к окну. Посмотрела на небо. На большой высоте, как всегда, летели самолёты. Бесшумные, треугольные, с огромной скоростью. Без инверсионных следов. Она видела их каждый день – утром, днём и вечером. Они двигались с севера на юг или с юга на север, всегда по одной траектории, всегда на одной высоте. Иногда их было два, иногда пять, иногда целая стая, похожая на косяк рыб в мутной воде.

Вера пыталась разглядеть на них опознавательные знаки, но даже в бинокль (старый, советский, «Беркут», она нашла его в комоду) не видела ничего, кроме гладкой серой поверхности. Ни флагов, ни номеров, ни иллюминаторов. Будто беспилотники. Но какие беспилотники могут летать так высоко и так быстро? Она не знала. Она вообще ничего не знала об этом мире.

На четвёртый день она решила развести костёр.

Не в печи – на улице. Большой костёр, чтобы дым было видно издалека. Если в лесу есть люди, они увидят дым и придут. Или прилетят. Или хотя бы заметят. Вера понимала, что это риск – она не знала, кто живёт вокруг. Но риск быть съеденной диким зверем казался меньше, чем риск умереть от гангрены в одиночестве.

Она собрала сухие ветки в сарае, нашла старую бочку из-под дёгтя (толстую, железную, с проржавевшими боками), вытащила её на поляну перед домом. Сложила ветки, щепки, сухую траву. Спички ещё оставались – целых три коробка, почти полных. Она подожгла. Огонь занялся быстро, пламя взметнулось, чёрный дым потянулся вверх, к серому небу.

Вера села рядом, смотрела, как дым поднимается и рассеивается на высоте примерно ста метров. Ветер был слабым, почти незаметным, но даже он разрывал дымовую струю на клочья. Костёр курился, но не чадил так, как хотелось бы. Она подбросила сырых веток – дым стал гуще, белее.

– Ну давай, – прошептала она. – Кто-нибудь, увидьте меня.

Никто не пришёл. Ни в тот день, ни на следующий, ни через три дня. Самолёты продолжали летать по своим траекториям, не сворачивая, не замедляясь. Лес молчал. Даже зверей не было слышно – ни волков, ни кабанов, ни даже белок. Вера начала подозревать, что лес вокруг дома – не живой. Не мёртвый, нет. Просто... пустой. Как декорация.

И она приняла решение, которое спасло её рассудок: она будет жить по расписанию.

Вера нашла в гостиной старые настенные часы – механические, с кукушкой. Они остановились, но она завела их ключом (ключ висел на гвоздике рядом), и они пошли. Кукушка, правда, не куковала – сломалась, наверное, лет тридцать назад. Но часы тикали, и это было главное. Тиканье создавало иллюзию, что время всё ещё существует.

Она составила расписание:

6:00 – подъём.

6:00–7:00 – завтрак (полбанки консервов, стакан воды).

7:00–12:00 – уборка, стирка, хозяйство.

12:00–13:00 – обед (вторая половина банки).

13:00–17:00 – исследования дома и окрестностей.

17:00–18:00 – ужин (самый скудный – четверть банки).

18:00–20:00 – чтение (странные пластиковые книги из подвала).

20:00 – сон.

Расписание держало её в тонусе. Если бы не он, она бы, наверное, лежала на диване и смотрела в потолок, пока не сошла с ума. Но у неё была работа.

Работа.

Уборка.

Вера мыла полы. В доме было три комнаты, кухня и прихожая. Полы были деревянными, старыми, с щелями, куда забивалась пыль. Вера наливала в ведро горячей воды (грела на плите), добавляла кусок хозяйственного мыла (нашла под раковиной), и драила каждую доску тряпкой, стоя на коленях. Больная нога ныла, но боль привычная, почти родная. Она даже радовалась ей – боль напоминала, что она ещё жива.

После мытья полов – окна. Шесть окон в доме, пыльные, с разводами, которые не вытирали, наверное, с тех пор, как умерла бабушка. Вера оттирала их газетами (газеты! настоящие, бумажные, с датами двадцатилетней давности), пока стекло не начинало скрипеть от чистоты. Свет стал ярче, тени чётче. Дом преобразался.

Потом – стирка. В шкафах она нашла несколько комплектов старого белья – простыни, наволочки, полотенца. Серые, жёсткие, пахнущие нафталином. Вера стирала их в тазу, тоже хозяйственным мылом, полоскала в холодной воде из крана. Сушила на верёвке, протянутой через всю кухню. Бельё сохло долго – день, иногда два. Влажность в доме была высокой, печь грела, но бельё упрямо оставалось сыроватым.

Наконец она перестирала всё, что можно было перестирать. Вымыла печку снаружи (извёсткой, разведённой в воде, нашла в сарае). Дом заблестел. Не так, как в глянцевых журналах, но чисто, опрятно, почти уютно. Вера смотрела на результат своих трудов и чувствовала...

гордость. Глупую, маленькую, человеческую гордость. «Я не умерла, – думала она. – Я хотя бы не умерла».

Рана на ноге начала заживать.

Каждый вечер она перевязывала её, обрабатывала перекисью (пузырьки шипели, рана пенилась, воспаление уходило). Кожа вокруг стала более розовой. Она перестала хромать на левую ногу, начала более уверенно наступать на нее.

После проведенной генеральной уборке в доме Вера решила исследовать чердак.

Чердак был заперт на щеколду, но щеколду она сбила кочергой. Поднялась по скрипучей лестнице, подсвечивая себе старой керосиновой лампой (её она тоже нашла в кладовке, заправила чем-то похожим на керосин – пахло знакомо). Чердак оказался огромным, на всю площадь дома, с низкими балками и пылью, которая лежала слоем в сантиметр.

Она нашла там три вещи.

Первая – сундук с детскими игрушками. Плюшевый заяц с оторванным ухом, кукла без головы, набор деревянных солдатиков. Вера узнала некоторые игрушки – они принадлежали ей в детстве. Она прижимала этого зайца к груди, когда отец читал ей сказки. Заяц пах сыростью и временем. Она сунула его под мышку, чтобы потом отмыть и посадить на подоконник.

Вторая – папка с документами. Старые, довоенные ещё, с коричневыми печатями и выцветшими чернилами. Договоры купли-продажи, свидетельства о рождении, бабушкины дипломы. Вера пролистала их, не вникая, но одно привлекло её внимание: рукописное письмо, адресованное «Дорогой Вере». Отец писал: «Если ты читаешь это, значит, меня уже нет. Я хочу, чтобы ты знала: дом у озера – не просто здание. Это место, где время истончается. Береги его. И не бойся, если однажды проснёшься в другом дне. Это не конец. Это начало».

Вера перечитала письмо три раза. Потом четвёртый. Слёзы текли по щекам, капали на пожелтевшую бумагу, расплывались чернила. Отец знал. Он не мог знать – она понимала это умом. Но где-то в глубине души она чувствовала: он знал. Или догадывался. Или верил.

Третья вещь – старый дневник. Кожаная обложка, пожелтевшие страницы, каллиграфический почерк неизвестного. Первая запись датирована 2069 годом. «Меня зовут Егор. Мне тридцать лет. Я живу в доме у озера, потому что больше нигде жить. Города пали. Власть сменилась. Теперь всем управляет ЕСУ – Единая система учёта. Они говорят, что это для нашей безопасности. Я говорю, что это для их удобства. Я прячу книги в подвале. Может быть, когда-нибудь кто-то их найдёт. Может быть, этот кто-то будет моей бабушкой Верой. Она пропала сорок четыре года назад. Я всё ещё ищу её».

Вера закрыла дневник. Руки дрожали.

Егор. Её внук. Но чей он сын? Кати или Никиты? Что стало с ее детьми? Что стало с Алексеем? Эти вопросы начали мучить ее с большей силой и болью.

Она спустилась с чердака, села на диван, прижала дневник к груди. Читала всю ночь, при свете керосиновой лампы, не замечая, как копоть оседает на стенах, как часы тикают замедляясь. Она читала о том, как Егор боялся темноты. Как он учился водить машину на заброшенной трассе. Как он влюбился в девушку, которую потом убили за то, что она читала запрещённые книги. Как он поклялся, что его дети и внуки будут знать, что такое свобода.

Она читала и плакала. Не от жалости – от гордости. И уснула с дневником на груди.

Утром Вера впервые за долгое время почувствовала голод не как потребность, а как желание. Ей захотелось нормальной еды. Горячего супа. Хлеба с маслом. Яблока. Она посмотрела на банки с консервами – на их странные этикетки, на их розовое желе и армейский вкус – и заплакала снова. Не от голода. От тоски по нормальному миру. По миру, где можно заказать пиццу. По миру, где можно позвонить маме. По миру, где можно просто выйти на улицу и увидеть другого человека.

Самолёты в небе продолжали летать. Она уже знала их расписание – шесть утра, одиннадцать, три дня, семь вечера. Как приливы. Как дыхание спящего гиганта.

Вера стояла у окна, смотрела на них и думала: «Кто вы? Откуда вы? Почему вы никогда не смотрите вниз?»

Она не знала ответов. Но она знала, что не сдастся. Слишком многое она нашла на этом чердаке. Слишком многое её держало.

Перед сном она написала в дневнике (своём, который завела из обрывков бумаги, скреплённых ниткой):

«День десятый. Я жива. Самолёты летают. Консервы почти не кончились. Нашла дневник Егора – своего внука. Он вырос хорошим человеком. Я даже не знала его и не была рядом, но он вырос хорошим. Может быть, это главное, что я могу оставить после себя – не книги, не магазин, а то, что мои дети знают, что такое любовь и передали это знания моим внукам. Даже если я не умела её показывать».

Она поставила точку, закрыла самодельную тетрадь, легла.

В тишине дома, под тиканье часов, которое стало таким же родным, как когда-то – голос Алексея, она уснула. И не видела снов. Только тьму и редкие вспышки света за окнами – может, молнии, может, те самые самолёты сбрасывали что-то в лес. Она не знала. И не хотела знать.

Главное – она проснётся завтра. И сделает всё то же самое. Помоеет полы. Протрёт окна. Перевяжет ногу. Посмотрит на небо.

И будет ждать.

Ждать – это не слабость. Ждать – это тоже борьба. Просто другая. Тихой. Как пыль на подоконнике. Как бинты на ране. Как строчки в дневнике, которые никто никогда не прочитает.

Но она писала их.

Потому что писать – значит, существовать.

А она существовала. Упрямо, больно, одиноко – но существовала.

И этого пока было достаточно.

Знаки будущего

Подвал пах землёй и ржавчиной.

Вера спустилась туда, когда уборка первого этажа перестала приносить успокоение. Стены сияли, полы скрипели чистотой, окна пропускали максимум серого света, но внутри неё всё равно зудело беспокойство. Ей нужно было понять. Не просто жить дальше, выживать, перевязывать ногу и смотреть на бесшумные самолёты. Ей нужно было знать, куда она попала и почему.

Дверь в подвал находилась в кухне, за старым холодильником, который Вера отодвинула с трудом – тот весил, наверное, центнер. Дверь была деревянной, обитой выцветшим дерматином, с массивной щеколдой. Щеколда оказалась сломанной. Не вырванной – именно сломанной, будто кто-то бил по ней, пока ржавый механизм не разжался. Вера толкнула дверь, и та открылась с протяжным скрипом, похожим на стон.

За дверью была темнота. Настоящая, плотная, как одеяло. Вера взяла керосиновую лампу (она уже держала её наготове), зажгла фитиль. Жёлтый свет выхватил из темноты деревянную лестницу – крутую, с прогнившими ступеньками. Она ступила на первую – та жалобно скрипнула, но выдержала. На вторую – то же самое. На третьей ступеньке она чуть не поскользнулась: доска была влажной, покрытой скользкой плёнкой. Вера ухватила за перила (шаткие, но пока держащиеся) и спустилась на земляной пол.

Подвал оказался больше, чем она ожидала. Не просто погреб – целое помещение, вытянутое в длину, с низким кирпичным сводом. Воздух здесь был спёртым, холодным, с запахом гниющих корней и ещё чего-то неуловимого – может быть, старой бумаги. Вера подняла лампу повыше, и свет упал на стены.

Стеллажи.

Целые ряды стеллажей, сделанных из грубо обструганных досок. На них стояли книги. Не тысячи – но сотни точно. Вера сделала шаг вперёд, потом другой, забыв про больную ногу, забыв про холод, забыв про всё на свете. Книги. Настоящие книги. Корешки из кожи, картона, какой-то синтетической ткани. Названия, которые она не могла разобрать в тусклом свете, но сам факт – книги, бумажные, физические – ударил в голову сильнее любого вина.

– Егор, – прошептала она. – Это ты их спрятал.

Но на некоторых стеллажах стояли другие книги, не бумажные...

Она подошла к ближайшему стеллажу, протянула руку, коснулась корешка. Книга была тонкой, почти невесомой. Вера вытащила её, открыла – и замерла.

Пластик. Тонкий, гибкий, почти прозрачный на просвет, но прочный на разрыв. Текст был нанесён не типографской краской – он светился изнутри, бледно-голубым, как экран старого телефона на минимальной яркости. Вера провела пальцем по странице, и текст изменил цвет. Голубой стал зелёным, потом жёлтым, потом снова голубым. Она нажала сильнее – текст пульсировал, подстраиваясь под тепло её пальца.

– Это не книга, – сказала она вслух. – Это... я не знаю, что это.

Она открыла первую страницу. Текст был на русском. Вернее, на том, что отдалённо напоминало русский. Грамматика была сломана, слова сокращены до двух-трёх букв, предложения строились по примитивным схемам «субъект-действие-объект» без придаточных, без деепричастных оборотов, без красоты.

«ПРАВИЛА ЧИСТОТЫ ГРАЖДАНИНА. Версия 23.4, обязат. для всех учт. лиц.»

Вера пролистала дальше. Содержание было разбито на разделы:

Чистота тела (гигиена, одежда, поведение в общ. местах).

Чистота мыслей (запрещённые темы, контроль эмоций, лояльность).

Чистота данных (правила пользования ЕСУ, обновление биометрии, ответственность за ложную инфу).

Чистота речи (запрещённые слова, правила доноса).

Чистота среды (утилизация отходов, экономия ресурсов, борьба с тунеядством).

Она открыла раздел «Чистота мыслей» и прочитала вслух, шепотом, чтобы слышать собственный голос:

– «Каждый гражд. обяз. сообщ. о любых прояв. нелояльн. Сист. Несообщ. приравн. к соучаст. Наказ. – искл. из реестра. Чтение неодобр. матер. явл. прест. Хранитель неодобр. матер. явл. врагом общ. Наказание – ликв. на месте обнаруж.»

Вера закрыла книгу. Руки тряслись. Она поняла: это не просто правила. Это инструкция по уничтожению всего, что делает человека человеком. Критическое мышление, любопытство, сочувствие – всё это названо «нелояльностью». Донос – обязанность. Молчание – преступление.

– Боже, – прошептала она. – В какой ад я попала?

Она отложила «Правила чистоты», взяла следующую книгу. Та была потолще, с пластиковыми страницами того же типа, но цвет текста менялся не от касания – от движения: когда Вера поворачивала книгу, буквы переливались серебром, словно чешуя рыбы.

«МОТИВАЦИОННЫЙ КОДЕКС ТРУЖЕНИКА. Утв. Центр. Регул. 2120 г.»

Она пролистала. Сплошные лозунги, напечатанные крупными буквами:

«ТВОЙ ТРУД – ТВОЙ ВКЛАД В ВЕЛИЧИЕ СТРАНЫ».

«НЕТ ТУНЕЯДЦАМ – ДА РАЗВИТИЮ».

«КАЖДЫЙ УЧТЁННЫЙ – КАЖДЫЙ НА ВИДУ».

«СЛАБЫЕ ЖАЛУЮТСЯ, СИЛЬНЫЕ СООБЩАЮТ».

«ЕСУ ВИДИТ ВСЁ. ЕСУ ОЦЕНИТ. ЕСУ НАГРАДИТ».

В конце Кодекса была таблица: сколько «очков вклада» даётся за разные виды деятельности. Работа на заводе – 10 очков в день. Донос на соседа – 50 очков. Добровольная сдача родственника-неучтённого – 200 очков. Ликвидация неучтённого собственноручно – 500 очков и «почётный знак блюстителя».

– Это не мотивация, – сказала Вера, глядя в потолок подвала. – Это охота за головами.

Третья книга была тоньше всех, почти брошюра. Называлась «СВОД ПРАВИЛ И ЗАКОНОВ СТРАНЫ ЕСУ. Единая редакция, сокращённая для удобства граждан».

Вера открыла её и поняла, что это – единственная разрешённая книга.

Свод состоял из 1240 статей. Никакой поэзии, никакой прозы, никаких размышлений. Только правила, наказания, процедуры. Как чинить аэрокар (статья 847). Как сообщать о подозрительном поведении коллеги (статья 203). Как правильно утилизировать биоматерию умершего (статья 1101). Как вступать в брак (статья 56 – всего два абзаца, без единого слова о любви или чувствах).

Вера захлопнула Свод. Её тошнило. Физически, по-настоящему – подкатила тошнота, и она прислонилась к стене, чтобы не упасть.

Но среди этого кошмара нашлось место и для чего-то другого.

На нижней полке, присыпанная пылью, лежала тетрадь. Не пластиковая книга – настоящая тетрадь, в клетку, с потрёпанными уголками. Вера узнала такие – продавались в её магазине, в отделе канцелярии, по сорок рублей штука. Она взяла тетрадь, открыла. Почерк был незнакомым – мужским, размашистым, с нажимом.

«Дневник неизвестного. Начало записей – 2041 год. Если вы читаете это, значит, меня уже нет. Меня зовут... нет, имя называть нельзя. Система ищет меня. Назову себя просто Путьник».

Вера села прямо на земляной пол, поджав ноги, и начала читать.

«21 марта 2041 года. Великий Переход свершился три года назад, но я до сих пор не могу привыкнуть. Раньше города были живыми. Шумными, грязными, опасными – но живыми. Сейчас они стерильны. Каждый человек знает, где каждый другой находится. Камеры на каждом столбе. Дроны в каждом небе. Говорят, для безопасности. Я говорю – для контроля. Моя жена донесла на меня за то, что я читал Есенина вслух. Есенина! «Не жалею, не зову, не плачу». Теперь я в розыске. А она получила свои 50 очков. Надеюсь, они согревают её по ночам».

Вера перевернула страницу.

«15 июня 2042 года. Старые города исчезают. Москвы больше нет. Вернее, она есть, но называется иначе – Центральный Регулируемый Кластер. Исторический центр снесён, на его месте – стеклянные кубы, где сидят чиновники ЕСУ. Кремль, говорят, разобрали по кирпичику. Каждый кирпич утилизировали и переработали в бетон для нового стадиона. Люди не плакали. Люди аплодировали. Я не знаю, что страшнее – злоба или равнодушие».

«3 января 2043 года. Я нашёл убежище в заброшенной деревне, в доме у озера. Хозяева исчезли несколько лет назад. В подвале я обнаружил книги – настоящие, бумажные. «Евгений Онегин», «Преступление и наказание», сборник стихов Цветаевой. Я читаю их по ночам, при свете свечи. Если меня поймут – ликвидация без суда. Но я не могу остановиться. Книги – это единственное, что напоминает мне, что я человек».

Вера замерла. Дом у озера. Тот же дом. Значит, Путник жил здесь до неё. Или после? Она посмотрела на дату – 2043 год. Она уснула в 2025-м. То есть Путник был здесь через восемнадцать лет после её исчезновения. И он нашёл в подвале книги – бумажные, настоящие. Значит, книги были здесь. Спрятанные. Может быть, отец?

Она читала дальше.

«17 августа 2044 года. Сегодня я видел, как ЕСУ ликвидировала деревню в десяти километрах отсюда. Двадцать три человека. Среди них – дети. Их преступление? Они не обновили чипы. Чипы! Маленькие кусочки пластика под кожей. Система сказала «истекло», и люди исчезли. Их дома сровняли с землёй через час. Я смотрел в бинокль и не мог поверить. Это не государство. Это машина. И мы все внутри неё».

«12 ноября 2045 года. Консервы почти кончились. Я хую. Рана на ноге не заживает (наступил на ржавый гвоздь на пристани у озера, дурак). Несколько дней я не мог ходить вообще. Думал, что умру здесь, в этом подвале, среди книг. Но потом нашёл в аптечке старый йод. Продезинфицировал. Помогло. Сейчас хую, но живу. Надо продержаться до весны. Говорят, на юге есть общины неучтённых. Попробую добраться».

Вера перечитала про рану, про ржавый гвоздь, про озеро. У неё перехватило дыхание. Она посмотрела на свою ногу – бинт был свежим, но под ним всё ещё тлело воспаление. Совпадение? Или это место такое – оно метит каждого, кто приходит сюда из другого времени?

«Последняя запись. 3 марта 2046 года. Ухожу на юг. Если кто-то найдёт этот дневник, запомните: мир за пределами ЕСУ существует. Мы не одни. Мы боремся. Не сдавайтесь. И берегите книги. Без них мы – скот. С уважением, Путник».

Дальше шли чистые страницы. Путник ушёл. Погиб по дороге? Добрался до общины? Вера не знала. Но одно она поняла точно: она не в заброшенном доме, не в заповеднике, не в музее. Она в будущем. В мире, где правят чипы, доносы и одна-единственная разрешённая книга. В мире, где художественная литература – смертельный яд для системы, а её хранители – враги государства.

– Будущее, – сказала Вера вслух. – Я в будущем. И оно хуже, чем любой мой кошмар.

Паника пришла не сразу. Сначала была пустота – как будто из неё вынули все чувства и оставили только оболочку. Потом слёзы – тихие, без рыданий, просто вода, которая текла по щекам и капала на пластиковые страницы «Свода правил». Потом – холодный, липкий страх, который скрутил живот и заставил дышать часто-часто, как загнанную лошадь.

– Я никогда не увижу Катю. – она прошептала это, и слова прозвучали приговором. – Я никогда не увижу Никиту. Они выросли без меня. Они умерли без меня. Алексей... что с ними стало?

Она вцепилась руками в пол, в землю, в пыль. В голове крутилось одно и то же: «Ты не вернёшься. Ты никогда не вернёшься. У тебя нет машины времени. У тебя нет даже телефона. Ты умрёшь здесь, в этом подвале, как Путник, и твой дневник будет лежать на полке, пока кто-то другой не найдёт его через сто лет».

Она не знала, сколько просидела так. Час. Два. Полдня. Лампу догорела – фитиль зачадил, и Вера зажгла новую, дрожащими руками. Свет вернулся, и вместе с ним вернулась способность мыслить.

– Хватит, – сказала она себе. Сказала громко, чтобы голос отогнал панику. – Хватит раскисать. Ты жива. Ты нашла книги. Ты знаешь, где ты и в каком времени. Ты знаешь, что есть другие – неучтённые, подпольщики, те, кто борется. Ты не одна, даже если сейчас одна.

Она встала. Нога затекла, пришлось постоять, прислонившись к стене. Вера глубоко вдохнула, выдохнула. Потом подошла к стеллажу и начала перебирать книги.

Среди пластиковых ужасов «Правил чистоты» и «Мотивационного кодекса» она нашла несколько настоящих сокровищ. «Война и мир» – издание 1978 года, с потрёпанными страницами и подписью на форзаце: «Бабушке от дедушки, 1980». «Мастер и Маргарита» – самиздатовская копия, распечатанная на машинке, с пометками на полях. Сборник стихов Ахматовой – тоненький, почти рассыпающийся, но каждая буква читалась.

Вера прижала эти книги к груди, как детей. Слёзы снова потекли, но теперь другие – не отчаяния, а благодарности. Кому-то, кто спрятал их здесь. Может, отцу. Может, ее детям. Может, Путнику. Неважно. Главное – они были здесь. И пока они есть, есть и надежда.

Она поднялась наверх, закрыла подвал. С собой взяла только дневник Путника и «Свод правил» – чтобы знать врага в лицо. Остальные книги оставила внизу. Не потому, что не доверяла дому. Просто подвал казался ей теперь святилищем. Местом, где время остановилось. Где прошлое и будущее встретились на пыльных полках.

Вечером она сидела у печи, читала дневник Путника во второй раз. Кукушка в часах молчала, но Вере казалось, что она слышит тиканье времени – своего, чужого, несуществующего. Она думала о том, что Путник тоже сидел здесь, в этом доме, с той же раной на ноге. Он тоже боялся. Тоже надеялся. Тоже писал.

– Ты выжил? – спросила она вслух пустую комнату. – Ты добрался до юга?

Стены молчали. Но где-то в лесу завыл ветер – первый ветер за неделю. Вера подумала, что это, может быть, ответ.

Она легла спать, положив дневник под подушку. Перед сном она подошла к окну, посмотрела на звёзды – или на то, что выдавало себя за звёзды. В небе, кроме треугольных самолётов, ничего не было. Ни созвездий, ни спутников, ни даже Луны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.